

преувеличенное внимание к его сочинениям на религиозно-нравственные темы. «Из всего, что я прочел у Толстого, больше всего произвела на меня впечатление его работа „Царство божье внутри нас“³, — писал в свое время Ганди. Стронники такого подхода к Толстому поднимают на щит его проповедь ненасилия, стремясь связать его мировоззрение с идеалистической философией и этикой.

Подобного рода односторонний подход к Толстому в странах Востока вызывает критику со стороны прогрессивных деятелей культуры, решительно возражающих против взгляда на Толстого как на проповедника смирения и непротивления злу насилеиом. Известный индийский литератор Кришна Крипалани рассказывает о том, как однажды, разговаривая с Тагором о Ганди, он упомянул имя Толстого. Не соглашаясь с отождествлением взглядов Ганди и Толстого, Тагор сказал: «Все в Толстом наполнено силой, энергией, насилеиом, даже его доктрина ненасилия»⁴.

Передовым писателям стран Востока были созвучны не столько религиозно-этические взгляды Толстого, сколько его выступления против религиозной ортодоксии, лицемерия и ханжества духовенства, его бескомпромиссная борьба против самодержавия и церковной реакции. Весьма знаменательна в этой связи поддержка Толстого со стороны ряда известных писателей стран Востока, выступавших с позиций религиозного реформаторства, когда его отлучили от церкви. Последователь М. К. Ганди видный индийский литератор и общественный деятель Кака Калелкар сумел разобраться в истинном смысле этого позорного акта царского самодержавия. «Толстого отлучили от церкви, потому что он следовал революционным идеям»⁵, — писал в свое время этот старейший индийский литератор. Толстого поддержал видный египетский писатель-просветитель Мухаммед Абдо⁶. Ливанский писатель Михаил Нуайме писал: «Мое внутреннее возмущение против церкви и ее сухих догм заставило меня искать и находить поддержку в поздних сочинениях Толстого»⁷ и т. д. «Будучи отлученным от церкви, Толстой в то же время укрепил свои связи с народными массами, которые находили в нем сторонника и защитника своих прав»⁸, — писал египетский публицист Салам Муса.

* * *

Следует иметь в виду, что взгляды на Толстого, оценка его творчества и мировоззрения в странах Востока претерпевали заметную эволюцию. Не сразу смогли там правильно понять и по достоинству оценить Толстого во всем его многообразии и величии.

Нельзя не заметить, что произведения Толстого, особенно на первом этапе знакомства с ними в странах Востока, зачастую по-своему осмысливались и трактовались, подвергались определенной обработке в переводе, что объясняется особенностями национальных традиций, нравственных идеалов, эстетических вкусов и критериев, социальных запросов, распространенных в тех или иных странах. Большой интерес вызвали моралистические повести Толстого «Семейное счастье» и «Крейцера соната», ставшие своего рода открытием для общества, находившегося во власти средневековых предрассудков. Новый взгляд на любовь, брак, семью чрезвычайно привлекал писателей-просветителей, стремившихся утвердить в своих странах новые моральные ценности.

Много лет не утихают в странах Востока споры вокруг творчества, мировоззрения, личности Толстого. Каково главное содержание толстовских традиций? Чем близок Толстой сегодня народам Востока? Чему могут и

³ *Махатма Ганди*. Воплощение правды, «Жизнеописание», с. 364.

⁴ *Krishna Kripalani*. Rabindranath Tagore. A biography. London, 1962, p. 293.

⁵ *Кака Калелкар*. Толстой и социализм, «Жизнеописание», 1976, с. 382.

⁶ *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток, М., 1971, с. 383, 384.

⁷ *Крачковский И. Ю.* Избранные соч., т. 3. М.—Л., 1956, с. 226.

⁸ Журн. «Дуния Аль Фан», 1947, 17 июня (на араб. яз.).